

С. Ф. Шимукевич

Республиканский институт высшей школы, Минск

S. Shymukovich

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 394.011:94(47+476)“18/19”

**ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ: СТУДЕНТЫ
ИЗ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ В РОССИЙСКИХ
УНИВЕРСИТЕТАХ В 1800–1850 ГГ.**

**HIGHER EDUCATION IN THE REPRODUCTION OF
REGIONAL ELITES: STUDENTS FROM WESTERN
PROVINCES IN RUSSIAN UNIVERSITIES IN IN 1800–1850**

В статье анализируется изменение возможностей для воспроизводства региональных элит на белорусских землях в первой половине XIX в. в контексте доступности учреждений высшего образования для уроженцев региона. Выделены два этапа, обозначены их специфические особенности, влиявшие на масштаб и направления процессов воспроизводства элит. Выявлены последствия изменения условий воспроизводства региональных элит для реализации региональных проектов развития, в том числе зарождавшегося белорусского национального проекта.

Ключевые слова: история XIX в.; высшее образование; университет; региональная элита; интеллектуальная элита; Западный край; белорусские земли в XIX в.; имперская унификация; Российская империя; студенты.

The article analyzes the changing opportunities for the reproduction of regional elites in the Belarusian lands in the first half of the XIX century in the context of the availability of higher education institutions for the natives of the region. Two stages are identified, and their specific features that influenced the scale and direction of the processes of elite reproduction are identified. The consequences of changes in the conditions of reproduction of regional elites for the implementation of regional development projects, including the nascent Belarusian national project, are revealed.

Keywords: history of the XIX century; higher education; university; regional elite; intellectual elite; Western region; Belarusian lands in the XIX century; imperial unification; Russian Empire; students.

В течение XIX века возможности для воспроизводства региональных элит на белорусских землях кардинально изменились. Данные изменения были связаны в первую очередь с форматом политической активности в регионе, которая имела ярко выраженный антиправительственный характер. Самым очевидным последствием данной активности стала поэтапная ликвидация инфраструктуры высшего образования, что серьезным образом

усложнило процессы воспроизводства локальных элит в регионе. На характер воспроизводства региональных элит оказали существенное влияние процессы социальной модернизации на протяжении «долгого XIX века», мероприятия по унификации западных окраин в составе империи, а также трансформация доминировавших идентичностей в регионе. В этой связи интересны наблюдения американского социолога Майкла Манна о роли университетов и высшего образования в становлении гражданского общества в XIX в., в формировании наций-государств и локально-региональных идентичностей [1, с. 216–218, 234].

Стоит особенно отметить, что польская идентичность, которую демонстрировали многие шляхтичи – уроженцы белорусских земель, имела в начале века домодерный характер гражданско-политической нации, но она эволюционировала к современной идентичности, основанной на этнокультурной общности и кровном единстве поляков. Одновременно на западных окраинах империи формировались «новые» современные идентичности – литовцев, латышей, украинцев, белорусов и т. д., продолжали функционировать наднациональные идентичности в польской «кресовой» и имперской российской формах. В этой связи интерес представляет то, как процессы воспроизводства локальных элит соотносились с динамикой трансформации их идентичностей.

Локальные элиты как социально активная часть общества предлагают и реализуют проекты развития региона (либо участвуют в более глобальных проектах) в самых разных отраслях сообразно своей идентичности и ориентации на определенную политическую и национальную идеологию [2]. В этой связи успешность последних зависит от их привлекательности либо возможностей блокировать конкурирующие проекты. Борьбу за локальные элиты на белорусских землях между условно «польской» (так как она активно эволюционировала на протяжении столетия) и российской имперской идеологическими парадигмами можно наблюдать на протяжении всего XIX в. За каждой из парадигм можно выявить определенный набор инструментов, в их рамках формулировались аргументы для привлечения на свою сторону максимально возможного числа сторонников из числа локальных элит.

«Польская идея» имела антиимперский антироссийский характер, она апеллировала к общей исторической традиции государственности в виде Речи Посполитой, привлекательной политической программе, в которой региональные элиты непосредственно влияли на управление государством. При этом она вела к маргинализации ее носителей в масштабах империи, так как лишала возможностей для построения формальной личной карьеры, получения признания за рамками региона, материальных выгод. Тем не менее в первой трети XIX в. «польская идея» использовала весьма эффективный инструмент – многоуровневую систему образования в рамках

Виленского учебного округа, управление которым осуществлял польский патриот князь Адам Чарторыйский [3, с. I–XXV].

В свою очередь империя предлагала локальным элитам, демонстрировавшим лояльность, широчайшие возможности для карьерного роста в самых разных сферах, доступ к общеимперской аудитории и рынку, возможности для улучшения материального благосостояния и другие бонусы. Важным инструментом формирования лояльных локальных элит в западных губерниях также была система образования, прежде всего высшего (особенно начиная с 1830-х гг.).

Таким образом, образование вообще играло определяющую роль в формировании мировоззрения и будущих политических установок у представителей локальных элит, но высшее образование, с одной стороны, предоставляло возможности для построения личной карьеры и улучшения своего материального положения, с другой – способствовало всестороннему развитию личности, формированию определенных профессиональных навыков и компетенций, а также активной социальной позиции,

Уроженец Виленщины, выпускник Виленского университета, самый молодой профессор Петербургского университета О. Сенковский в рамках ревизии белорусских училищ в 1826 г. отмечал, что потребность в образовании у местных шляхтичей исходит из значительных отличий этого региона от центральных российских губерний. Он подчеркивал, что в Белоруссии (так в документе. – *Ш. С.*) состав гражданского общества совершенно отличается от российских губерний: «...дворянство здесь весьма многочисленно, владения чрезвычайно раздроблены, большая часть владельцев имеют состояние столь ограниченное, что можно сказать об бедности» [4, л. 229]. При этом шляхта им квалифицируется как «среднее сословие», которое, часто не имея земли и крестьян, средства к существованию получают на государственной либо частной службе. Получить хорошее место можно при наличии соответствующего образования, лучше всего высшего. Таким образом, О. Сенковский отмечает, что «...множество дворян и некоторые мещане имеют ученые степени студентов, кандидатов, некоторые даже магистров и докторов философии» [4, л. 231].

Необходимо отметить, что данный запрос на образование почти полностью закрывал Виленский императорский университет, который был основан на базе Главной Литовской школы (ранее – иезуитская академия) в 1803 г. Университету в учебном и административном плане были подчинены все учреждения образования учебного округа, который включал Виленскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую, Витебскую, Волынскую, Подольскую и Киевскую губернии. В самом университете действовали факультеты: физико-математический, медицинский, нравственно-политический (с богословием), филологический (отделения словесных наук и изящных художеств) [3, с. XXVI].

Университет выделялся из всех российских университетов по многим критериям. Он имел высокий уровень автономии, что давало право на разработку собственных уникальных образовательных проектов и учебных программ по дисциплинам. Преподавание (особенно до 1824 г.) велось преимущественно на польском языке, изредка – на латыни, лекции были открытыми для посещения любым желающим. Что касается студентов, то здесь также наблюдалась своя специфика: Виленский университет был самым крупным в России и одним их крупнейших в Европе, при этом социальное происхождение студентов было почти исключительно из шляхты, в то время как в европейской и российской традициях в университеты стремились поступать преимущественно разночинцы. Сословная однородность контингента обучающихся превратила университет в «шляхетское» учреждение образования, способствовало распространению в его стенах определенных идей и форм коммуникации. Так, студенты университета имели право организовывать общества с научными, образовательными и нравственными целями. Как отмечают современные российские исследователи, Виленский университет «...развивался по собственным, отличным от остальной Российской империи законам» [5, с. 306].

Виленский университет и учебные заведения округа в первые 20 лет своего существования стали эффективным инструментом воспроизводства элит в регионе, однако оппозиционный характер данных элит, работавших на «речьпосполитовскую идею», вызвал ответную резкую реакцию империи. В правительстве после многих лет игнорирования ситуации внезапно обнаружили, что «...Виленский университет при прежнем попечителе своем, из поляков избранном, стал средоточием, куда стекалось все юношество Западных губерний, получил направление, для намерений правительства вредное и вообще России неприязненное. Семена, сим образом засеянные, глубоко укоренились...» [6, с. 107].

В 1823–1824 гг. университет подвергся разгрому со стороны Н. Н. Новосильцова, студенческие общества, как легальные, так и тайные, были ликвидированы, часть профессуры выслана [3, с. XXXV–XXXVII]. Необходимо отметить, что в империи немного раньше подверглись разгрому молодые Казанский и Петербургский университеты, стоял даже вопрос об их ликвидации [7, с. 14].

Тем не менее университет в Вильно остался, были урезаны некоторые его привилегии, изъяты из состава учебного округа Могилевская, Витебская и Киевская губернии, вводились предметы на русском языке, усилен правительственный контроль. Показательно то, что это не повлияло на востребованность обучения в университете, по сведениям Н. Н. Новосильцова, предоставленным правительству, «...в университете Виленском число студентов простирается иногда до 2 тысяч...» [6, с. 108]. Так формировалась массовая социальная группа лиц с высшим образованием, в рядах которых

выделялись лица с особо активной социальной позицией. Факт высокого уровня образованности в регионе признавало и правительство: «...в губерниях Литовских просвещение распространилось вообще более, чем нежели в других присоединенных от Польши областях...» [6, с. 108]. При этом студенты из Западного края в других университетах империи были скорее исключением, препятствиями были языковой барьер, трудности с логистикой и материальным обеспечением.

В 1830–1831 гг. в польском антиправительственном восстании приняли самое активное участие как студенты, так и часть преподавателей университета. Это стало веским основанием для его ликвидации (в Вильно остались только Медико-хирургическая и Духовная римско-католическая академии)¹ [6, с. 110]. Преподаватели, не занятые в академиях, но пожелавшие продолжить свои академические карьеры, получили возможность трудоустроиться в другие российские университеты [8, л. 1–1об]. Стоит отметить, что в ходе восстания в 1830 г. также был закрыт университет в Варшаве. Эти события кардинальным образом изменили возможности для получения высшего образования в Западном крае, а значит, повлияли на процессы воспроизводства локальных элит.

С начала 1830-х гг. высшее образование стало возможно получить в российских университетах в Москве, Петербурге, Дерпте, Харькове, Казани и Киеве. При этом Киевский университет был основан в 1835 г. на замену Виленскому, он же получил большую часть его библиотеки и научного оборудования, а также материальных средств [6, с. 108–110].

Обучение в отдаленных университетах не могли себе позволить наиболее бедные уроженцы региона, что значительно ухудшило их возможности для получения высшего образования и реализации карьерных устремлений, а активизировавшаяся имперская политика «разбора» шляхты в целом вела к маргинализации значительной части социальной группы, ранее относившейся к привилегированному сословию и представлявшей своеобразный резерв для локальных элит. Для подготовки из числа уроженцев Западного края и Царства Польского управленческих кадров, лояльных империи, правительство проводило специальную стипендиальную политику, посылая во внутренние университеты по несколько так называемых «казеннокоштных» студентов, однако их число и близко не приближалось к числу студентов Виленского университета.

Как отмечают российские исследователи, в правительстве рассчитывали, что «...процесс воспитания новой польской элиты должен был про-

¹Духовная академия была переведена в Петербург в 1844 г. Медико-хирургическая академия ликвидирована в 1842 г., ее студентов и преподавателей рассредоточили по медицинским факультетам университетов империи.

исходить в крупных университетских центрах под наблюдением высшей полиции, университетской администрации и инспекции. Одновременно правительство получало плеяду подготовленных чиновников, а польские окраины – новую элиту, которая должна была вытеснить старую, зараженную духом сепаратизма. Для этого в Петербургском, Московском, а позже в Харьковском и Казанском университетах учреждались специальные вакансии для стипендиантов...» [9, с. 239]. Обучение за счет правительства предполагало обязательную службу в западных губерниях на протяжении нескольких лет. При этом среди своекоштных студентов-поляков в Петербурге преобладали уроженцы Западных губерний [9, с. 247], а это преимущественно белорусские земли. К концу 1850-х гг. также наметилась интересная тенденция: в Петербургском университете в большей степени концентрировались выходцы из богатых фамилий с консервативными взглядами, здесь же было чуть больше этнических поляков, а в Московском университете преобладали выходцы из «кресовой» (т. е. белорусской) шляхты, часто бедной и более радикальной [9, с. 260–261]. Результаты данной кадровой политики подтверждаются данными белорусского исследователя А. А. Киселева, который в своей монографии на основании многочисленных формулярных дел чиновников западных губерний доказал, что подавляющую часть должностей в системе управления на местах занимали уроженцы региона [10].

Таким образом, с 1830-х гг. число так называемых «польских» студентов в российских университетах резко выросло, особенно за счет «своекоштных», обучавшихся за свой счет. Так, российские исследователи Т. Жуковская и К. Казакова отмечают, что в Петербургском университете в 1830–1850-е гг. «...самым многочисленным из национальных сообществ в Петербургском университете было польское. <...> Составляя не менее трети от всего состава обучающихся, в 1840–1850-х гг. студенты-поляки придавали специфику облику корпорации столичного университета, внутри которой сформировалась также группировка профессоров-поляков» [9, с. 233].

В других российских университетах также «польские» студенческие диаспоры имели значительное представительство. По данным С. М. Михайловой, «...в течение XIX в. в Казанском университете обучалось свыше 1100 поляков и лиц польского происхождения» [9, с. 237]. Мы вправе предположить, что значительная часть данных «поляков» были уроженцами белорусских земель католического вероисповедания. Тем более что и в XIX в., и сегодня российские и польские исследователи (правда, по разным причинам) не разделяют домодерную наднациональную «польскую» идентичность, характерную для первой половины XIX в., и модерную национальную польскую идентичность, сформировавшуюся к началу XX в. Попытки отдельных российских исследователей выработать методiku определения «польскости» для лиц, рожденных в имперский период, не всегда бывают безупречными, хотя заслуживают уважения [9, с. 240–241], тогда как

большая часть исследователей, занимающихся исследованием «польского» участия в жизни российских университетов, в принципе не утруждают себя подобными изысканиями [11, с. 52; 55; 58].

Сохранившиеся архивы некоторых университетов позволяют узнать фамилии студентов из белорусского региона. Так, в число «казенных пансионеров» в Казанский университет 1842 г. были зачислены пять выпускников гимназий Белорусского учебного округа: Станислав Перловский из минской, Иосиф Именинник из белостокской, Самуил Эльспер из свислочской, Антон Кошко из виленской и Андрей Угянский из трокской гимназий (отметим, что последний позднее стал профессором Казанского университета). Трое первых были зачислены на отделение общей словесности, а два последних – на математическое отделение [12, л. 1–2].

Территориально более близкие университеты привлекали большее число студентов из западных губерний. Так, белорусский историк С. Токть в списке состоятельных помещиков Гродненской губернии за 1852 г., имевших в собственности более 100 душ крестьян, приводит сведения и об 367 семьях, где имеются данные о занятиях взрослых детей. Так, среди наиболее популярных высших учебных заведений у уроженцев Гродненской губернии оказались Дерптский университет (6 студентов), высшие учебные заведения столицы империи (4 студента), в Горецком земледельческом институте обучался один человек [13, с. 312–348]. Безусловно, здесь учтены данные только по одной социальной группе состоятельных землевладельцев, реально студентов было больше, однако показателен выбор учреждений образования в этой группе.

Как правило, мотивация на получение образования у уроженцев западных губерний была более высокой, чем у российских студентов, что отмечали в своих мемуарах как профессора, так и сами студенты. Так, К. С. Аксаков вспоминал о своем студенчестве в Московском университете (это 1832–1835 гг.): «На первый курс поступили к нам студенты, присланные, кажется, из Витебской гимназии; все они были очень хорошо приготовлены. Я познакомился со всеми с ними и был с ними в очень хороших отношениях. В их числе был Коссович¹. Он хорошо знал требуемые в университете языки» [14, с. 315–316]. Уже начиная со второго курса Коссович не столько занимался университетскими предметами, сколько изучением восточных языков, чему в дальнейшем посвятил свою жизнь. К. Аксаков не высоко отзывался об уровне образования в российских университетах: «Странное дело! Профессора преподавали плохо, студенты не учились и, скорее, забывали, что знали прежде...» [14, с. 315]. Более точно характери-

¹Казтан Андреевич Коссович (1814–1883) – известный ориенталист, профессор Петербургского университета, родился в Полоцке.

зует положение университетского образования профессор Петербургского университета А. В. Никитенко: «...теперь требуют, чтобы учили как можно лучше, но чтобы учащие не размышляли, потому что учащие – что такое? Офицеры, которые (сурово) управляются с истиной и заставляют ее вернуться во все стороны перед своими слушателями. Теперь (1833 г.) требуют от юношества, чтобы оно училось много и при том не механически – но чтобы оно не читало книг и никак не смело думать, что для государства полезнее, если его граждане будут иметь светлую голову, вместо светлых пуговиц на мундире» [15, с. 270–271].

Тем не менее даже в этих неблагоприятных для обучения условиях «поляки» предпочитали ревностно учиться, не конфликтовать с университетской администрацией, участвовать в научных конкурсах. Только несколько происшествий в начале 1830-х гг. квалифицировались как антиправительственные, в частности, можно отметить так называемое «дело Заблоцкого» 1834 г., по которому проходили уроженец Витебска, студент Московского университета Фадей Заблоцкий, преподаватель Казанского университета Иван Верниковский, Ян Эйсимонт, ученик витебской гимназии Гирша Брама и др. В основе «дела» лежала патриотическая песня на польском языке, оскорбительная для российского правительства [6, с. 776–777].

Стремление к знаниям объясняется возможностью получить в университете академическую степень кандидата и претендовать на более высокий чин при поступлении на службу. Для этого студенты не только посещали все занятия, но и участвовали в научной работе. В своих мемуарах Тадеуш Бобровский (родом с Украины), студент Петербургского университета, пишет о конкурсе научных работ в 1847 г.: «В тот год только один русский и один немец получили медали, остальные же – то есть шесть – забрали поляки, такое было стремление к работе, что только на юридическом факультете на конкурс было подано одиннадцать работ» (цит. по [9, с. 252]). Золотую медаль за научное сочинение получил во время обучения в Московском университете (1855–1860 гг.) уроженец Гродно Ромуальд Блажеевич, будущий приват-доцент Казанского университета [16, л. 1].

После поражения в Крымской войне и завершения эпохи Николая I изменяется внутривластная ситуация, смягчается политический режим, разрабатываются реформы, которые должны были модернизировать внутреннюю жизнь в империи, ввести некоторые ограниченные либеральные свободы. Но даже эти ограниченные послабления вызвали кардинальные изменения в общественных настроениях. Для нас имеет значение тот факт, что значительно выросло число студентов. Так, в Петербургском университете в 1853 г. обучался 81 студент католического вероисповедания, а в 1860 г., по данным канцелярии Совета университета, их было уже 425. Рост числа этой группы студентов в принципе опережал увеличение студентов в университете вообще [9, с. 265]. Похожая ситуация наблюдалась по всем университетам империи.

В конце 1850-х гг. легализовали свою деятельность польские студенческие землячества в Петербургском, Московском и Киевском университетах, которые объединяли выходцев с территории бывшей Речи Посполитой, в том числе многочисленных уроженцев западных губерний. На заседаниях обществ все большую популярность получали политические вопросы, и главный среди них – восстановление польской государственности [9, с. 260–263]. У студентов – уроженцев белорусского региона еще не выработалось самостоятельное видение перспектив развития своего края, они активно участвовали в реализации глобальной польской идеи. Однако была выявлена очевидная тенденция, которая показывала, что студенты из западных губерний были более радикальны и в большей степени разделяли либеральную и революционно-демократическую идеологии в противовес преимущественно консервативным уроженцам Царства Польского. Определенное взаимное влияние в это время друг на друга оказывали польские землячества и российские народнические организации.

Таким образом, в первой половине XIX в. можно выделить два этапа, которые кардинальным образом отличались условиями, имевшимися для воспроизводства региональных элит в Западном крае империи. Если на первом этапе (можно обозначить следующими хронологическими рамками – 1803–1831 гг.) благодаря Виленскому университету и некоторым другим учреждениям образования сложились самые благоприятные условия для получения уроженцами региона высшего образования, необходимого для выстраивания дальнейшей карьеры в самых разных сферах деятельности, то второй этап (1832–1859 гг.) характеризуется значительным ухудшением возможностей для получения высшего образования уроженцами западных губерний. Необходимо отметить, что первый этап характеризовался тем, что в деятельности учреждений образования доминировало (особенно в первые два десятилетия) польское культурное и политическое влияние, имевшее антироссийский характер, что и вызвало жесткую реакцию правительства, выразившуюся в ликвидации системы высшего образования в западных губерниях. В рамках второго этапа правительством была выбрана стратегия подготовки региональных элит в центральных российских университетах. Это должно было сделать процесс воспроизводства элит более подконтрольным, ограничить число лиц, имевших возможность получить высшее образование, а у обучающихся в университетах и институтах сформировать лояльное отношение к империи. Уже в конце 1850-х гг. было очевидно, что данная стратегия была успешна только наполовину.

Список использованных источников

1. *Манн, М.* Источники социальной власти: в 4 т. / М. Манн; пер. с англ. А. В. Лазаревича; под науч. ред. Д. Ю. Карасева. – М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – Т. 2: Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы, кн. 2. – 520 с.

2. *Шимукович С. Ф.* К вопросу об идентичностях элит белорусских земель в период «долгого XIX века»: проблема концептуализации // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. тр. / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2019. – Вып. 2. – С. 167–176.
3. *Погодин, А.* Виленский учебный округ 1803–1831 гг. / А. Погодин // Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения. – СПб.: Изд-во МНП, 1902. – Т. 4, вып. 1. – С. 1–СХХХІІІ.
4. Lietuvos Valstybes Istorijos Archyvas (далее – LVIA). – F. 567. Ap. 2. Bb. 2255. – Дело об инспектировании белорусских учебных заведений профессором Сенковским, 1827 г.
5. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А. Ю. Андреева, С. И. Посохова. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2012. – 671 с.
6. Журналы Комитета Западных губерний: в 2 т. / изд. подгот. Т. В. Андреева [и др.]. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. – Т. 1: 1831–1835 гг. – 848 с.
7. *Багалея, Д. И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам) с приложением портретов и планов: в 2 т. / Д. И. Багалея. – Харьков: Паровая тип. и литогр. М. Зильберберг и с-вья, 1904. – Т. 2: (с 1815 по 1835 год). – 1136 с.
8. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 3157. Оп. 2. Д. 7. Об определении Шагина в Витебскую гимназию и переводе его в Харьковский университет. 6 июня 1832. – 8 января 1834.
9. *Жуковская, Т. С.* С. Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века / Т. С. Жуковская, К. С. Казакова. – М.: Новый хронограф, 2018. – 576 с.
10. *Киселев, А. А.* Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. / А. А. Киселев. – Минск: Изд-во УО «Военная академия Респ. Беларусь», 2007. – 172 с.
11. *Шимукович, С. Ф.* Свои среди чужих? Об уроженцах белорусского региона в Казанском университете в XIX веке / С. Ф. Шимукович // Электронный научный журнал «Гуманитарные науки в XXI веке» [Электронный ресурс]. – Казань, 2018. – №11. – С. 42–57. – Режим доступа: <https://humanist21.kgasu.ru/>. – Дата доступа: 20.02.2021.
12. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). – Ф. 977. Оп. 4 «Совет». Д. 2513. – Извещение правления о поступлении в число студентов университета выпускников гимназий Белорусского учебного округа. 19 марта 1842 – 11 апреля 1842.
13. *Токць, С.* Мясцовая шляхта і дзяржаўная адміністрацыя Расійскай імперыі ў Гродзенскай губерні: лаяльнасць і супраціў / С. Токць. – Гродна: ЮрСаПрынт, 2019. – 384 с.
14. *Аксаков, К. С.* Воспоминания студентства 1832–1835 годов / К. С. Аксаков // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (мемуары современников). – М.: Изд-во МГУ, 1989. – С. 312–334.
15. *Никитенко, А. В.* Дневник. 1833–1824 гг. / А. В. Никитенко // Русская старина. – 1889. – Т. LXIII, вып 8 (август). – С. 265–300.
16. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 13. Д. 1240. По отношению ректора императорского Московского университета с препрово-

ждением свидетельства о награждении кандидата Московского университета Блажеевского золотой медалью. 23 августа 1861 – 6 ноября 1861.

(Дата подачи: 24.02.2021 г.)

M. M. Шнем

Белорусский государственный университет, Минск

M. Shpet

Belorussian State University, Minsk

УДК 94:327.5(560.418:560.1)“12”

СЕЛЬДЖУКО-ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII В.

THE SELJUK-BYZANTIUM STRUGGLE IN THE SECOND HALF OF THE 13TH CENTURY

В статье автор рассматривает сельджуко-византийское противостояние во второй половине XIII в. Автор приходит к выводу, что во второй половине XIII в. под воздействием различных факторов (войны Византийской империи на Балканах, монгольского вторжения в Малую Азию, миграции огузских племен на полуостров, действий Каталонской кампании Востока во главе с Рожером де Флором) Византийская империя окончательно утратила свои территории на полуострове Малая Азия в пользу сельджукских захватчиков (бейлики Ментеше, Караси, Сарухан и эмират Айдын).

Ключевые слова: Византийская империя; Румский султанат; западноанатолийские бейлики; огузы; сельджуки.

The seljuk-byzantium struggle in the second half of the XIIIth century is considered by the author in the article. The author had found, that the Byzantine Empire had lost its territories on the peninsula of Asia Minor to the Seljuks (the beyliks of Menteshe, Karasi, Sarukhan and the Emirate of Aydin) in the second half of the XIIIth centuries due to the several reasons: the Balkan wars of the Byzantine Empire, the Mongol Conquest of Asia Minor, migration of the Oghuz tribes and the activity of the Catalan Company of the East headed by Roger de Flor.

Keywords: The Byzantine Empire; The Sultanate of Rum; westernanatolian beyliks; the Oghuz; the Seljuks.

Вторая половина XIII в. в истории Малой Азии ознаменовалась новым этапом сельджуко-византийского противостояния. Сельджуки были хорошо известны византийцам начиная с X–XI вв. Изначально византийцы недооценили сельджукскую угрозу, однако после поражения византийского императора Романа IV Диогена (1067– 071 гг.) в битве при Манцикерте (на север от о. Ван) в 1071 г. началась неконтролируемая миграция огузских племен на полуостров Малая Азия [1, с. 128]. Однако Византия потерпела поражение не просто от недавно появившихся в регионе «варваров»,